

А почистив, в большую корзину их всех мы начешем для дружбы
всеобщей.

Примешаем метеков и даже чужих, если нам они преданы верно.
Должников государства вмешаем сюда, а потом и колонии наши.
Что когда-то мы вывели. Ныне они, словно хлопья разбросанной
пряжи,

Сиротливо лежат. Надо всех подобрать и, навив на единую прялку,
Всех их в наши Афины стянуть и, в клубок намотав и основу
скрепивши,

Из него для народа рубаху пошить.

Схолиаст делает к этому месту примечание: «Примешать: предоставить гражданские права» (ἐγχαταγμίξει ἐπιτιμοῦς ποιῆσαι), и я думаю, что нельзя не согласиться с его толкованием этого места. Такая мера сразу выбила бы у спартанцев почву из-под ног, так как говорить об угнетении союзников уже было бы совершенно невозможно¹. Однако афинская радикальная демократия, заинтересованная в эксплуатации союзников и никогда не желавшая делиться своими привилегиями с кем бы то ни было (см. закон Перикла о гражданстве 451 г.), не захотела пойти по этому пути в 411 г.; она пошла по нему только в 405 г., когда было предоставлено право гражданства последнему оставшемуся верным Афинам союзнику — Самосу², но было уже поздно.

С. Я. Лурье

ДАННЫЕ ЭПИГРАФИКИ О РАБОВЛАДЕНИИ В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ

Исследование рабовладельческих отношений в их конкретном проявлении в различных странах, в том числе в римской Галлии, имеет важное значение для изучения закономерностей рабовладельческой формации в целом. Однако для решения вопроса о рабовладении в римской Галлии мы располагаем очень скудными данными, преимущественно археологическими и эпиграфическими. Поэтому автор настоящей статьи не претендует на более или менее всестороннее освещение основных вопросов, связанных с проблемой рабовладения в Галлии, ограничиваясь лишь попыткой собрать и обобщить эпиграфические данные о рабовладении в римской Галлии.

В момент римского завоевания Галлия не представляла собой политического целого и распадалась на множество враждующих между собой племен, которые в большинстве своем жили еще общинно-родовым строем или находились на стадии разложения общинно-родовых отношений и образования государства. Юлий Цезарь в «Записках о галльской войне», рисуя картину социальных отношений среди галлов накануне римского завоевания, проводит резкую черту между родовой знатью и простым народом. Масса рядовых общинников, которых Цезарь называет plebs (I, 4, 17; V, 3; VI, 13; VII, 42 и т. д.)³, находилась в полной зависимости от родовой аристо-

¹ Эта мера вовсе не столь утопична, как кажется с первого взгляда. В древности было в обычае то, что метрополия и колония предоставляют друг другу взаимно право гражданства (Фера и Кирена, Милет и Ольвия). Поскольку афиняне сами пустили в оборот фикцию, будто члены Афинского союза — выведенные из Афин колонии (стих 582: τῆς γῆς τῆς δ' ἐστὶν ἄποικοι), такая мера соответствовала бы правосознанию того времени, вопреки мнению Виламовица в его издании «Aristophanes Lysistrata», В., 1927, стр. 52.

² IG, I², 126; II², 1; T o d, Greek historical inscriptions, № 96.

³ Все цифровые сноски без указания произведения Цезаря относятся к «Запискам о галльской войне».

кратии и страдала, по выражению Цезаря, «от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных» (VI, 13). Кроме того, имелось большое число людей, ничего не имеющих, которых Цезарь называет *homines egentes* и *homines perditos*, т. е. «неимущие» и «потерянные» (VII, 4; VIII, 30). В доримской Галлии, по свидетельству Цезаря, были развиты клиентские отношения: иногда целые поселения — *oppida* — находились в клиентской зависимости от отдельных представителей родовой знати (VIII, 32; см. также VI, 19; VII, 4). Помимо рядовых соплеменников, многие из которых находились в зависимости от родовой аристократии, однако не были рабами в подлинном смысле этого слова, Цезарь неоднократно упоминает о рабах, принадлежавших галльской знати (VIII, 30, V, 45), упоминает также о галльском обычае хоронить рабов и клиентов вместе с господином в случае смерти последнего (VI, 19). Наконец, он говорит о должниках — *obaeati*, отдававших себя за долги в рабство к знатым (VI, 13: *sese in servitutum dicunt nobilibus*). Упоминания о рабах в доримской Галлии имеются также у Диодора Сицилийского (V, 26) и Посидония (IV, 36). Следовательно, в Галлии накануне римского завоевания рабство уже существовало. Однако в обществе, находившемся в стадии разложения родового строя и перехода к рабовладельческому, степень развития производительных сил была такова, что рабский труд еще не мог получить широкого применения.

Первые века нашей эры явились для Галлии временем ее интенсивного экономического развития.

Еще до римского завоевания развитие производительных сил в Галлии вызвало отделение ремесла от земледелия, возникновение городов, рост ремесла и обмена. Города — *oppida* — имелись у многих племен. У ремов, например, по свидетельству Цезаря, было двенадцать таких городов (II, 4), столько же у гельветов (1,5), у битуритов свыше двадцати и т. д. В одном из наиболее крупных городских центров в Галлии, Бибракте¹, археологическими раскопками обнаружены мастерские кузнецов, литейщиков, железные и бронзовые орудия, предметы роскоши, гончарные изделия, множество монет: золотых, серебряных и бронзовых, причем последние галльского происхождения и отличались многообразием типов. Следы массового ремесленного производства обнаружены также при раскопках Герговии² и Новиодуна³. Таким образом, некоторые галльские города еще до римского завоевания представляли собой не только укрепленные убежища для населения на случай войны, но и ремесленные центры.

Но особенно бурный рост городов в Галлии наблюдается в I—II вв. н. э. Именно к этому времени относится большая часть археологических памятников, свидетельствующих о расцвете галльских городов, ремесла и торговли. Развитие производительных сил и торгово-денежных отношений привело к переходу галльских племен от первобытно-общинного строя к рабовладельческому. Внедрение муниципального строя, проводившееся римским правительством, содействовало углублению дифференциации галльского общества. Обеспечивая повсюду господство местной аристократии над остальной массой населения, муниципальное устройство содействовало уничтожению пережитков родового строя и развитию рабовладельческих отношений⁴.

Рассмотрим те скудные данные, которые имеются у нас о рабовладении в Галлии изучаемого периода.

Эпиграфические материалы позволяют прежде всего установить термины, которыми обозначались рабы в римской Галлии: *servi* (CIL, XII, 2318, 1598, 3310, 4451), *vernae* (там же, XII, 3628, 3771. 5012; XIII, 568), *familia urbana* (там же, XII, 1025; XIII, 1747), *servi publici* (там же, XII, 1755, 1925, 1598, 3310, 4451). Насколько можно судить по надписям, общественными рабами в Галлии владели отдельные городские

¹ J. Déchelette, Manuel d'archéologie, II, 3, P., 1914, стр. 948.

² RA, т. V, 1935, стр. 220 сл.; там же, т. VII, 1936, стр. 121 сл.; там же, т. IX, 1937, стр. 94 сл.

³ J. Déchelette, ук. соч., II, 3, стр. 968.

⁴ См. Н. А. Машкин, Принципат Августа, М.—Л., 1949, стр. 504.

общины¹, храмы², коллегии³ и даже провинции в целом⁴. Надписи упоминают также императорских рабов⁵, рабов-гладиаторов⁶ и особенно много вольноотпущенников, обозначенных в надписях *liberti*⁷, *liberti peregrini*⁸, *conliberti*⁹. С точки зрения развития рабовладения в римской Галлии важно отметить, что среди вольноотпущенников встречаются не только императорские (см. CIL, XII, 523, 526, 704, 1848; XIII, 1939, 1961, 1972 и др.), упоминаемые особенно часто, или вольноотпущенники иностранного происхождения (там же, XIII, 1495, 1414, 4425), но и вольноотпущенники с местными именами. Например: P. Claudius III provinciarum libertus Abascantus (CIL, XIV, 326, 327). Чрезвычайно интересна и показательна с этой точки зрения надпись CIL, XIII, 5708, в которой называется один из представителей местной знати, отпустивший своих рабов на волю частью еще при жизни, частью по завещанию: *omnes liberti mei et libertae, quos et vivos et quos hoc testamento manumissi*.

Из надписей узнаем, что высшие магистраты в галльских городах, колониях и муниципиях, как и в других провинциях, имели в своем распоряжении обширный штат помощников — *apparitores*¹⁰, причем последние были чаще всего рабами или вольноотпущенниками. Непосредственно в надписях упоминаются рабы, исполняющие следующие муниципальные должности низшего разряда: рабы-архивариусы (CIL, XII, 1283; XIII, 1823), переписчики (там же, XIII, 1825; *scriba librarius*), викарии, т. е. рабы, находившиеся в услужении у других рабов (там же, XII, 4451; XIII, 1818, 1054), и акторы, т. е. городские служащие, уполномоченные вести все юридические дела данного города или городской общины. Указания источников на то, что наряду с частными рабами имелись общественные, свидетельствуют о том, что рабы использовались как в частном, так и в городском хозяйстве.

Перечисленная терминология указывает на то, что в Галлии этого времени были известны все или почти все категории рабов, характерные для римского рабовладения. Разумеется, из этого факта, самого по себе, нельзя сделать вывод о том, что рабовладельческие отношения в Галлии ничем или почти ничем не отличались по характеру и степени своего развития от римско-италийских рабовладельческих отношений. Чтобы представить степень развития рабовладения в Галлии, необходимо было бы выяснить прежде всего вопрос о роли рабского труда в галльском хозяйстве. К сожалению, наши источники слишком скудны и недостаточны, чтобы ответить на этот вопрос с определенностью. Эпиграфические данные меньше всего имеют в виду производителей материальных благ. Далеко не достаточно света проливают на этот вопрос и археологические раскопки, производившиеся на территории современной Франции.

Именно вследствие чрезвычайной скудости источников вопрос о применении рабского труда в различных отраслях хозяйства Галлии имеет самые противоречивые решения в современной буржуазной историографии. В то время как одни буржуазные историки утверждают, что в римской Галлии преобладал рабский труд¹¹, другие,

¹ CIL, XII, 4451: *Myrine Fausti colonorum Narbonensium servi*; см. также: 1925, 1755, 1598, 3310.

² Там же, XII, 2318: *Apollini ex voto Justus Mercuri et Cereris serv.*

³ Там же, XII, 853, 1385 и др.; XIII, 646: *Diaria Jovensium publica serva*.

⁴ Там же, XIV, 328: *...Abascantus Trium Galliarum servus*.

⁵ Там же, XII, 117, 4449; XIII, 1550.

⁶ В Августодуне, в Арелате (CIL, XII, 727: *negotiator familiae gladiatoriae*), в Дие (там же, XII, 1585: *munus gladiatorium villianum*), в Немавзе (там же, XII, 3223—3232) и т. д.

⁷ CIL, XII, 4956, 4972, 4982, 4987, 5019; XIII, 593, 865, 1813 и т. д.

⁸ Там же, XIII, 1768.

⁹ Там же, XII, 5103, 5216, 5315, 5316; XIII, 1921, 2026, 2027 и др.

¹⁰ См. CIL, XII, 3062 3309, 1920, 4505, 447, 448; XIII, 3572, 1896, 1816, 1813, 1823 и др.*

¹¹ C. J u l l i a n, *Histoire de la Gaule*, т. V, изд. 2-е, Р., б/г, стр. 312

наоборот, доказывают, что в этой провинции господствовала система наемного труда¹. Для тех и других характерна модернизация античных социальных отношений и отождествление последних с отношениями капиталистической эпохи. Так, например, французский историк Жюльен, хотя и утверждает, что в Галлии в качестве основной рабочей силы в ремесленных мастерских был, как правило, раб, однако это не мешает ему говорить одновременно о крупных капиталистических мануфактурах в Галлии, о сотнях наемных рабочих и агентов, которых нанимали владельцы этих крупных ремесленных предприятий. Галльских ремесленников он сравнивает с рабочими современной ему капиталистической эпохи².

Особенно много споров и разногласий вызывает до сих пор вопрос о применении рабского труда в ремесленном производстве Галлии. Наиболее распространенным является мнение, что в ремесленном производстве Галлии были заняты свободные, а не рабы. Исследователи, стоящие на этой точке зрения (А. Гренье, Х. Гуммерус³ и др.), приходят к этому выводу на основании исследования так называемых графити, надписей на гончарных изделиях. Наиболее четкие и сохранившиеся графити находят на черепках глиняных изделий, изготовленных в одном из галльских ремесленных центров — Грофесенке. Заключение о том, что ремесленниками в Грофесенке были не рабы, а свободные, Гренье, например, выводит из особенностей обозначения имен ремесленников на вазах, изготовленных в мастерских Грофесенка. В то время как на вазах италийского производства, например на вазах из Ареццо, изготовленных рабами, имя лица, сделавшего вазу, написано в именительном падеже и следует за другим именем, стоящим в родительном падеже (*gen. posses.*) и обозначающим хозяина раба-ремесленника⁴, на вазах из Грофесенка, как правило, стоит только одно имя в именительном падеже. Кроме того, на некоторых черепках из Грофесенка начертано, помимо собственного имени ремесленника, кельтское слово *cassidani* или *casidani*, означающее «начальник, заведующий, надзиратель, глава», причем слово *cassidani* на черепках иногда сопровождается имена лиц, которые наряду с другими ремесленниками изготовили некоторое число vaz. Из всего этого делается вывод, что в Грофесенке существовала ассоциация свободных ремесленников, возглавлявшаяся ремесленником же, но с дополнительными обязанностями заведующего производством⁵.

Разумеется, вполне определенное решение вопроса о том, кто были основные производители в ремесленном производстве в Грофесенке, свободные или рабы, имеет существенное значение для решения вопроса о роли рабского труда в галльском ремесленном производстве, поскольку организация ремесленного производства, типичная для Грофесенка, была, очевидно, более или менее характерна и для других ремесленных центров Галлии. Однако вряд ли можно сводить организацию ремесленного производства в Галлии исключительно к формам, характерным для Грофесенка, и на основании решения вопроса о производителях в гончарном производстве в Грофесенке делать вывод о применении или неприменении рабского труда в галльском ремесленном производстве вообще.

Ассоциация свободных ремесленников вовсе не была единственной формой организации ремесленного производства в Галлии. В Галлии имелись мастерские, которые принадлежали или частным лицам, или городской общине в целом. Так, археологи-

¹ A. Grenier, *La Gaule romaine, An economic survey of ancient Rome*, III, Baltimore, 1937, стр. 562; Dessau, *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, B., 1924; II, 2, стр. 510—512.

² C. Jullian, *ук. соч.*, стр. 372.

³ H. Gummertus, *Die südgallische terra sigillata Industrie nach den graffiti aus la Graufesenque*, Soc. Scient. Technica, Comment. human., III, 3, 1930, стр. 9, 16.

⁴ Напр., «Ordo M. Perenni», «Nicephorus M. Perenni» (см. A b b é H e r m é t, *Les raffites de la Graufesenque près Millau, Rodez*, 1923; A. O x ó, *Die Töpferrechnungen von der Graufesenque*, Bonn, Jahrb. 130 (1926), стр. 38.

⁵ A. Grenier, *ук. соч.*, стр. 558—562

ческими раскопками обнаружены ремесленные мастерские на территории некоторых галльских доменов, причем иногда довольно крупных размеров¹. Существование мастерских, которые принадлежали городским общинам, можно проследить по надписям, где они называются *figlinae* — гончарные мастерские, *plumbariae* — мастерские, изготавливающие свинцовые изделия². Весьма характерно, что иногда надписи называют ремесленников, занятых в гончарном производстве некоторых городских общин, не по личным именам, а по имени этих общин: *Arvernus, Rutenus, Tribocus* и др. (CIL, XII, 1283, 4450, 5683). Это обстоятельство, в сочетании с фактом относительно частого упоминания в надписях общественных рабов — *servi publici*, допускает предположение, что под этими обозначениями могли скрываться рабы, принадлежавшие соответственно городским общинам арвернов, рутенов и трибоков и работавшие в ремесленных мастерских этих общин. Ноне исключена возможность, что такие прозвища могли иметь и свободные ремесленники, жители данной городской общины.

Некоторые мастерские были общеимперского значения. Надпись на памятнике, найденном в *Monceaux le Compte*, свидетельствует о том, что последний поставлен римскому центуриону галльскими ремесленниками, изготовлявшими кожаные панцири и работавшими под его руководством: *sub cura eius* (CIL, XIII, 2828). С подобными надписями встречаем памятники также у эдуев и абордов: *aerarii sub cura Leonis et Marcialis...* (CIL, XIII, 2901), т. е. медники, находящиеся под руководством Леона и Марциала. Есть основание предположить, что ремесленными мастерскими владели также императоры. Во всяком случае, из надписей и других источников мы узнаем, что императоры владели рудниками на территории галльских провинций³.

Таким образом, очевидно, что ассоциации свободных ремесленников не были единственной формой ремесленного производства в Галлии. Совершенно естественно будет предположить, что во всяком случае в императорских, частновладельческих и, может быть, в мастерских городских общин, в той или иной степени, применялся труд рабов. Другой вопрос, конечно, сколь интенсивно применялся труд рабов в перечисленных случаях и какова роль ассоциаций свободных ремесленников в ремесленном производстве в Галлии по сравнению с другими формами ремесленных организаций. Учитывая, что Галлия сравнительно поздно вступила на путь развития рабовладельческих отношений, можно предположить, что труд рабов в Галлии, в частности в ремесле, нашел относительно слабое применение, во всяком случае меньшее, чем, например, в итальянском ремесле.

С большей очевидностью источники свидетельствуют о применении рабского труда в галльских рудниках, которые принадлежали не только императорам, но и городским общинам⁴, храмам⁵ и местной знати (CIL, XIII, 1814). Характерно, что наряду с рабами, занятыми в рудниках, — *servus ferrarium* (CIL, XII, 3336, 3111, 3162) — надписи называют также и свободных — *pagani ferrarienses* (CIL, XIII, 384, 1576, 1577). Следовательно, рабы даже в этой наиболее тяжелой отрасли хозяйства не являлись единственной рабочей силой.

Что касается вопроса о применении рабского труда в сельском хозяйстве Галлии, то современное состояние источников не позволяет решить этот вопрос достаточно определенно.

Из всего сказанного о рабах в Галлии можно сделать вывод прежде всего о том, что хотя рабство в Галлии и получило дальнейшее развитие в римскую эпоху, однако

¹ A. Grenier, *Manuel d'archéologie*, VI, 2, P., 1934, стр. 889; CIL, XIII, 10015, 115, 98, 105, 108 и др.

² CIL, XIII, 2461: *figlinae municipales*; см. также XIII, 1576, 1577; XII, 4398, 3336.

³ CIL, X, 7583, 7584: *proc. Aug. ad vectig. ferr. Gallic. ...*; XIII, 1797, 1799; *S u e t.*, Tib., 49.

⁴ CIL, XII, 3336: *ferrariae municipales*; 4398: *conductor ferrariarum ripae dextrae*; 2608: *triumviri locorum publicorum persequendorum*; 1868 и др.

⁵ Там же, XII, 2426, XIII, 3162: *iudici areae ferrariarum*, и др.

труд рабов здесь имел менее широкое применение, чем, например, в Италии и некоторых других странах классического рабовладения.

Развиваясь под большим влиянием римского, галльского рабовладения содержало в себе некоторые чисто римские, наносные черты. Об этом можно судить уже по самой терминологии, обозначающей рабов в Галлии — *familia urbana, servi publici, vernae, familiae gladiatoriae*, муниципальные рабы, храмовые и т. п. Императоры и римские рабовладельцы, естественно, использовали и культивировали на галльской почве весь аппарат рабовладельческого хозяйства и рабовладельческие отношения, давно сложившиеся в Риме и Италии. В значительной степени наносным для Галлии явлением были некоторые категории храмовых рабов. Так, надписи называют рабов при основании в римское время храма Ромы и Августа в Лукдуне для провинций Трех Галлий: *Abascantus Trium Galliarum servus* (CIL, XIV, 328, см. также 326, 327, 1725), упоминается раб, принадлежавший храму Меркурия и Цереры (там же, XII, 2318). Характерно, что типично римское наименование *victimarius* имели рабы, являвшиеся храмовыми прислужниками, например *vocontiorum servus victimarius* (там же, XII, 1598). Муниципальные рабы в качестве низших должностных лиц в городе появились в галльских городах вместе с развитием здесь муниципального строя. Не случайно, что эти муниципальные рабы встречаются более часто в городах Нарбонской Галлии, где муниципальное устройство почти полностью вытеснило местное, и несколько реже — в провинциях Трех Галлий.

Одновременно галльское рабовладение сохраняло некоторые черты еще доримских отношений. В римской Галлии сохранился и получил дальнейшее развитие кельтский обычай или доримская форма зависимости в Галлии—клиентела. Клиенты галльских магнатов в римскую эпоху становятся как бы членами фамилии римского образца, объединенной культом фамильных божеств, особенно культом гения господина¹. Но от этого клиентела в римской Галлии не перестает сохранять пережитки доримских клиентских отношений. Так, например, и в римское время наблюдался обычай хоронить клиентов в одной могиле с их господином (CIL, XI, 3702, 4422 и др.). Характерно, что этот же обычай был распространен в Галлии и в отношении вольноотпущенников: вольноотпущенники, имевшие одного и того же господина и составившие его фамилию², погребались в одной могиле: *libertorum locus sepulturae*³. Таким образом, живучесть клиентских отношений доримской эпохи наложила свой отпечаток и на галльское вольноотпущенничество. То же следует сказать и о рабах: и в римскую эпоху сохранился обычай хоронить рабов в одной могиле с господином, о котором упоминает Цезарь (см. выше). В надписях встречаем характерные с этой точки зрения выражения: *hic est sepult cum suo vernione* (CIL, XII, 3310, 4451, 501).

В заключение остановимся еще на вопросе об источниках рабства в Галлии после завоевания ее Римом.

Известно, что одним из основных источников рабства и воспроизводства рабовладельческих отношений во все времена существования рабовладельческого общества являлась война⁴. Однако война, сохраняя свои социальные функции в качестве одного из основных источников рабства и воспроизводства рабовладельческих отношений в имперском масштабе, для многих провинций Римской империи со времени установления там римского господства перестает играть свою прежнюю роль в качестве непосредственного источника рабства. К таким провинциям относится и римская Галлия. Со времени установления римского господства и римского административного устройства в Галлии в основном прекращаются войны между отдельными племенами внутри

¹ CIL, XII, 1185, 4185: *pro se et suis*; XIII, 5474—5476, 5708.

² CIL, XII, 4887: *familia libertorum*.

³ CIL, XII, 289, 1898; XIII, 2027; XII, 3702: *viva sibi et suis libertis libertabusque natis nascentibus...*

⁴ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 21—22.

страны, с одной стороны, и всей Галлией с соседними племенами, с другой. Завоевание Британии и отдельные стычки между галльскими и германскими племенами едва ли могли иметь в данном случае сколько-нибудь серьезное значение.

Выше отмечалось, что в надписях встречается наряду с другими терминами, обозначающими рабов, термин *vegnae*, и притом сравнительно часто. Этот факт позволяет предположить, что по крайней мере частично пополнение контингента рабов происходило за счет рабов, выращиваемых в доме господина. Надписи указывают также, что рабы в Галлию поступали в результате работорговли. Так, например, в Немавзе встречаемся с работорговцами *venaliciarius graecus* (CIL, XII, 3349), в Бурдигале, в одном из городов Великой Галлии — с *negotiator scaenicus* (CIL, XIII, 642); в Арелате — с *negotiator familiae gladiatoriae* (CIL, XII, 727). В надписях встречается обозначение рабов «*graeci*» (CIL, XII, 3323), что указывает на их происхождение из восточных провинций. В качестве одного из пунктов работорговли Страбон называет Аквилею в Цизальпийской Галлии (Strab., V, 1, 8). Две надписи упоминают работорговцев — *mango* — из Кельна (CIL, XIII, 8348) и из Швейцарии в районе Сен-Бернара¹. Это позволяет предположить, что рабы доставлялись также с севера.

Таким образом, исследование эпиграфических данных о рабовладении в Галлии позволяет сделать следующие выводы. Рабовладельческие отношения в Галлии после завоевания ее Римом получили свое дальнейшее развитие. Об этом говорит разнообразная терминология, обозначающая рабов в Галлии, факты работорговли в Галлии и, наконец, развитие института вольноотпущенничества. Развитию рабовладельческих отношений в римской Галлии способствовал как рост производительных сил галльских племен, находившихся накануне римского завоевания в стадии разложения общинно-родовых отношений, так и римская политика распространения муниципального строя в завоеванной Галлии. О том, что галльское рабовладение развивалось под значительным влиянием римско-италийских рабовладельческих отношений, говорят прежде всего специфические для римско-италийского рабовладения термины, обозначающие рабов муниципальных, храмовых и других категорий.

Сохранение и в римское время кельтской формы зависимости, восходящей к до-римскому времени, сравнительно частое упоминание в небольшом количестве надписей рабов *vegnae*, а также развитие вольноотпущенничества и колоната, при учете сравнительно позднего перехода галльских племен к рабовладельческому строю, служат основанием для предположения, что рабовладение в Галлии не достигло классических форм римско-италийского рабовладения. Рабовладение в Галлии развивалось в условиях, когда в Римской империи начали обнаруживаться симптомы кризиса рабовладельческих отношений, рабовладельческого способа производства в целом. Это не могло не отразиться на общем характере и степени развития рабовладения в Галлии.

Н. Н. Белова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

1948—1953 гг.

Работы чешских археологов давно пользуются заслуженной известностью, благодаря важности открытий и тщательности наблюдений, но только народно-демократический режим предоставил археологам невиданные доселе возможности в организации исследовательской деятельности. Размеры полевых исследований за последние годы неизмеримо выросли, как по открываемой площади, так и по тематике, охватив новые, мало исследованные территории. Большую роль в этом играют огромный размах про-

¹ См. Nowald, Schweiz in römischer Zeit, № 82.